

В. В. Лапаева¹

ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ В СОЦИОНОРМАТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

Важной особенностью современного этапа общечивилизационного развития является нарастание антропогенных глобальных рисков, представляющих угрозу выживанию всего человечества. Одним из наиболее значимых итогов глобализации стал тот факт, что в наши дни уже никакие государства, социальные группы и даже отдельные люди не имеют той привилегии на безопасность, которой раньше обладали сильные и слабые перед лицом глобальных угроз — заключается и надежда на справедливое, то есть правовое, решение общих для человечества проблем. Ведь если глобальные проблемы (от экологического кризиса до терроризма как наиболее яркого проявления кризиса духовного) в принципе решаемы, то они могут быть решены лишь совместными усилиями всего человечества на основе общих принципов и подходов, о которых надо договориться. А для этого нужен правовой договор, представляющий собой соглашение между равными и независимыми друг от друга субъектами. Подобный правовой (не только по форме, но и по сути) договор — редкое явление в международных отношениях, где под видом правового договора между равными зачастую осуществляется сговор между сильными в логике *Realpolitik*.

Очевидно, что нынешнее равенство всех перед лицом общей опасности является неплохой основой для

¹ Советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник сектора теории права и государства Института государства и права РАН, доктор юридических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Типы правовопонимания: правовая теория и практика», «Право и политика: научные очерки», «Право и многопартийность в современной России», «Конкретно-социологические исследования в праве», «Законодатель и общество», «Вопросы права в “Капитале” К. Маркса»; учебников: «Социология права» и «Российская социология права». Ответственный редактор и соавтор «Комментария к Федеральному закону “О политических партиях”», сборника «Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития». Член редколлегии журнала «Социологические исследования», Научно-методического совета при Центральной избирательной комиссии РФ. Награждена Почетной грамотой Государственной Думы РФ.

честного договора. Однако помимо этого необходимы еще как минимум два момента:

— согласие всех субъектов глобального взаимодействия на признание права главным средством общепланетарной соционормативной регуляции;

— консенсус в понимании того, что есть право в современном мире.

1. Глобализация обнажила тот факт, что признанный в евроатлантическом пространстве приоритетный характер права в системе соционормативной регуляции за рамками этого пространства далеко не очевиден. Чтобы понять суть проблемы, необходимо обратиться к истокам современной соционормативной системы, и прежде всего к такому переломному этапу в развитии человечества, как осевое время, когда в самых разных частях планеты люди «странным образом почти одновременно и, по-видимому, независимо друг от друга пришли к универсальным по своей направленности поискам в области религии и философии, к общим ответам и решениям»². В итоге сформировалось единое гуманистическое ядро соционормативной системы, включающей нормы религии, личной и общественной морали (нравственности) и права, которое обеспечило духовное единство человечества перед лицом новых вызовов и угроз, порожденных переходом от бронзового века к железному.

Однако в последующий период расцвета империй и формирования мировых религий в различных регионах мира (в силу комплекса географических и социокультурных факторов) сложилось разное соотношение основных составляющих этого соционормативного ядра. В тех культурах, где самосознание человека ограничивалось преимущественно рамками сообщества, основанного на религиозном, мировоззренческом, национально-этническом и другом единстве, наибольшее развитие получили партикулярные нормы религии-

² *Veber A. Kulturgeschichte als Kultursoziologie. Leiden, 1955. S. 7.* (Цит. по: *Яценец К. Истоки истории и ее цель. М., 1978. С. 201.*)

озного и нравственного порядка¹. А право как особое социальное явление, отличное и от нравственно-религиозных норм, и от властного произвола в форме закона, имело своим духовным истоком греко-римскую традицию юснатурализма, в рамках которой естественное право увязывается с природой человека как разумного существа, обладающего свободной волей. Именно эта связь права с разумной природой человека как абстрактного лица (то есть человека как такового независимо от его национальной или религиозной принадлежности) и придает правовым нормам тот потенциал всеобщности, который выводит право на первый план в системе соционормативной регуляции глобальных отношений.

В настоящее время, судя по всему, человечество вновь подходит к критически важному рубежу, когда для преодоления стоящих перед ним антропогенных вызовов и угроз, чреватых катастрофами глобального масштаба, требуется новый духовный прорыв, способный привести к формированию единой общепланетарной нормативной регуляции и преодолеть таким образом нарастающий хаос в системе глобальных отношений. Такое единство может быть обеспечено лишь за счет доминирования права в глобальной соционормативной системе, поскольку право и только право способно быть общезначимым социальным регулятором.

2. Легитимация права как главного средства решения общепланетарных проблем и разрешения конфликтов, возникающих в глобальном пространстве, во многом будет зависеть от того, удастся ли представителям разных культур и цивилизаций договориться об общих принципах взаимопонимания. Проблема заключается не только в том, что есть целые регионы мира, где право занимает весьма скромную нишу в системе соционормативной регуляции. Не менее важно и то, что понятие права, которое коллективный Запад сейчас настойчиво предлагает остальному миру в качестве универсального регулятора, вряд ли получит всеобщее признание.

Дело в том, что доктрина естественного права, на которой базируется формирующийся сейчас корпус наднационального права (а наибольшее развитие эти процессы получили в пространстве Европейского Союза и Совета Европы), традиционно исходит из отождествления права и морали. Эта традиция юснатурализма, имеющая глубокие исторические корни, выросла из синтеза античной философии (с ее рационалистической трактовкой права как формы упорядочения отношений между людьми на началах справедливости, определяемой через равенство) и христианского мировоззрения (с его нравственно-религиозным пониманием справедливости как любви, милосердия, всепрощения и т. п.)². Присутствие в понятии естественного права партикулярного нравственного начала означа-

ет, что наднациональное (а в перспективе глобальное) право, выстроенное на базе этой правовой доктрины, неизбежно будет ориентировано на нравственные ценности отдельных, наиболее развитых в правовом или сильных в экономическом отношении государств. А это всегда чревато практикой двойных стандартов. Поэтому на глобальном уровне право способно стать общезначимым регулятором только тогда, когда оно вернется к истокам античной рациональности, то есть очистится от вековых нравственно-религиозных наслений, присущих правовым системам отдельных государств и несущих на себе основной груз этнонациональной специфики той или иной внутригосударственной соционормативной системы.

Почему же Запад с его приверженностью рационализму явно не стремится отказываться от архаичной доктрины юснатурализма?

Для ответа на этот вопрос необходимо иметь в виду, что в представлениях о нравственном приоритете естественного права над искусственным (позитивным) правом обнаруживает себя страх перед той позитивистски ориентированной рациональностью, которая имеет антигуманистическую направленность и обладает, как показывает исторический опыт, мощным разрушительным потенциалом. Однако разум, являющийся квинтэссенцией человеческого начала как единства рационального и эмоционального, способен преодолеть антигуманные издержки рациональности. Поэтому вектор правового развития должен быть направлен не «назад к природе» (не назад — к естественному праву), а вперед — к освоению гуманистического потенциала того разумного начала, которое и делает человека человеком. Именно такая перспектива правового развития обозначена в либертарной теории права³, где идея права рационализирована и доведена до формально-логического завершения, в результате чего *принцип формального равенства в свободе*, трактуемый как сущностный признак права, по сути, предстает как *принцип разумности*. При этом в рамках формального правового равенства сохраняются гуманистические начала разума, наполняющие правовые формы адекватным социальным содержанием.

То обстоятельство, что Запад явно не расположен к признанию такого подхода к взаимопониманию, основанного на принципе формального равенства, обусловлено не только потребностями современного человека в обеспечении «объективно необходимой формы защиты (своеобразных “сдержек и противовесов” природы против культуры) “естественного” (вне человека и в нем самом) от опасностей и угроз “искусственного”»⁴. Помимо этой глубинной причины, порождающей стремление выстраивать планетарный правопорядок на основе доктрины юснатурализма, есть и «субъективные» факторы, среди которых можно выделить: 1) непроясненность некоторых ключевых моментов либертарного взаимопонимания и 2) наличие у Запада собственного интереса в юснатуралистской трактовке глобального права.

¹ Как подчеркивает В. Д. Зорькин, «на базе партикулярных по своей природе религиозных и нравственных ценностей невозможно выстроить всеобщую солидарность». См.: Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 216.

² См.: Лапаева В. В. Типы взаимопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 85–94. URL: igpran.ru...articles/Lapaeva.Monografiya2012.pdf

³ См.: Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.

⁴ Нерсесянц В. С. Философия права: учебник для вузов. М., 2006. С. 795.

Основной вопрос, который на данный момент остается открытым в либертарной теории права, — это вопрос о том, *кого следует рассматривать в качестве равных субъектов в пространстве правового взаимодействия*. Суть разногласий демонстрирует дискуссия между Ю. Хабермасом и Д. Ролзом о том, какими качествами должно обладать государство, чтобы быть субъектом международно-правовых отношений, а не объектом международно-правового воздействия¹. Предложенная Ролзом классификация человечества на «хорошо организованные либеральные общества», «хорошо организованные нелиберальные общества» и «тиранические и диктаторские режимы», находящиеся в доправовом, естественном состоянии, и поэтому остальные вправе объявлять им войну², по сути, представляет собой классификацию народов по степени их разумности. Хабермас же выступает против подобного «полуравнодушного» структурирования человечества, полагая, что «защита целостности жизненных форм... организованной в государство общности, если дело не идет о геноциде и преступлениях против человечности, имеет преимущество перед осуществлением абстрактных принципов»³.

Эта дискуссия показывает и главную причину заинтересованности Запада в юснатуралистской трактовке наднационального права. Ведь подход к решению общепланетарных проблем на началах принципа формального равенства предполагает, что все субъекты глобального взаимодействия должны быть равноправными партнерами договора. Однако Западу удобнее опираться на освященный веками авторитет доктрины юснатурализма, адаптируя ее к современным реалиям по своему усмотрению. Россия же как субъект глобальных отношений крайне заинтересована в правовом варианте их развития. Но нельзя иметь две разные политико-правовые доктрины — одну для внутреннего, а другую для внешнего пользования. Нужна единая, непротиворечивая в своей философско-правовой основе доктрина политико-правового развития, ориентированная на движение к правовой свободе человека как внутри страны, так и в системе глобальных отношений. Поэтому возможность взаимного доверия между Западом и Россией в вопросах глобального взаимопонимания зависит сейчас в том числе и от того, в какой мере будет реализован на практике закрепленный в Конституции РФ человекоцентристский принцип построения российской правовой системы.

¹ См.: Лапаева В. В. Государственный суверенитет как философско-правовая проблема // Тр. Ин-та государства и права РАН. 2016. № 2. С. 70–72.

² Ролз Д. Право народов // Вопросы философии. 2006. № 9. URL: vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view...

³ Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2013. С. 95.